



Александра Лисина

АРТУР РЭЙШ

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ
ЖНЕЦ

Александра Лисина

Жнец

Серия «Артур Рэйш», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70060777

Аннотация

Столица Алтории велика и многолюдна. В ней странным образом уживаются простые смертные и могущественные маги, почти святые и отъявленные мерзавцы. Но если днем она выглядит мирно и благополучно, то по ночам в Алтире оживают самые страшные кошмары. Пробудившиеся от спячки древние алтари, выползающие из глубоких нор чудовища, загадочные убийства, похищения... над столицей неумолимо сгущаются тучи. А в центре зарождающейся бури совсем не случайно оказывается маг Смерти – Артур Рэйш.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	30
Глава 3	43
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Александра Лисина

Жнец

Пролог

– Вот и закончилась полка, – вздохнул я, втискивая ветхий том на последнее свободное место на стеллаже. – Осталось перетащить сюда еще пару сотен книг из схрона, и шкафы снова станут полными.

Сидящая на потолке Мелочь досадливо щелкнула костяшками, а я растер уставшее лицо и вышел из второго кабинета, прямо на ходу пройдя сквозь границу миров.

Еще четыре дня пролетели впустую. Еще полтора десятка книг, в которых я не обнаружил ни единого указания на разгадку имен из списка. В архив главного сыскного Управления мне попасть больше не удалось – после истории с умруном Корн обозлился и аннулировал мой пропуск, так что пришлось вернуться в схрон и заняться библиотекой учителя вплотную. Но похоже, мастер Этор перемудрил, когда пытался спрятать свою тайну. А может, это я дурак, раз за столько времени не сумел ничего выяснить?

– Ужин, мастер Рэйш? – предложил Нортидж, стоило мне вернуться в обычный мир.

Я бросил взгляд за окно, где царили глухие сумерки.

– Да, пожалуй.

– Сейчас все будет, – поклонился дворецкий и, неодобрительно покосившись на выбравшуюся из кабинета куклу, испарился.

Мои слуги и сейчас сторонились Мелочи, особенно после того, как выяснилось, что она считает своим долгом меня охранять. Однако, прежде чем впустить это существо в дом, я провел соответствующий ритуал, и теперь Мелочь стала не только намертво привязанным к перстню духом-служителем, но и утратила способность противиться моим приказам.

Собственно, сейчас она зависела от меня целиком и полностью. Более того, могла жить лишь до тех пор, пока билось мое сердце. С моей смертью маленькое чудовище должно было погибнуть, так что волей-неволей Мелочи пришлось бы заботиться о моем благополучии, даже в том случае, если я ошибся насчет ее происхождения или неправильно определил навязанные ей функции.

А сомнения на этот счет имелись. Правда, ни подтвердить их, ни опровергнуть я пока не мог, а Мелочь оказалась не в состоянии внятно ответить на мои вопросы.

Я покосился на замершую на подоконнике куклу – с тех пор, как она здесь появилась, в доме стало беспокойно. Всего за несколько дней Мелочь успела до печенок надоесть дворцовому, напугала горничных, всполошила собак и всерьез поцапалась с кухаркой.

За мной она таскалась по пятам даже в хорошо защи-

щенном доме. Кабинет, спальня, столовая... Мелочь умудрялась пролезть абсолютно везде и всюду, каким-то образом протискиваясь сквозь защитные заклинания. Не говоря уж о том, что с того момента, как я провел ее сквозь внешний щит, кукла получила возможность ходить туда-сюда в любое время дня и ночи.

Трупы под окна она, к счастью, подбрасывать перестала. Зато неожиданно выяснилось, что у Мелочи есть любимое место: она могла часами стоять на подоконнике в моем кабинете и таращиться в окно, время от времени забавно наклоняя голову и издавая щелкающие, а иногда воркующие звуки. Зачем она это делала, я поначалу не понимал, но однажды заметил, что кукла украдкой поправляет спутанные «волосы» на макушке. И после этого всерьез заподозрил, что она не просто изучает ландшафт за окном, а банально любит отражением.

– Хозяин, ужин готов, – торжественно возвестил материализовавшийся посреди кабинета Нортидж.

Я рассеянно кивнул. А Мелочь с довольным цоканьем развернулась, ловко перепрыгнула с подоконника на стол и выразительно на меня уставилась. Типа, ну что, пойдем?

Естественно, ей понравилась наша кухня – там находилось много предметов, которые даже на темной стороне давали нормальное отражение. Серебряные подносы, начищенные до блеска чайники, кастрюли, ножи... в отсутствие зеркал для Мелочи это была единственная возможность на себя

полюбоваться. Но, поскольку Марта ее на дух не переносила и в первую же ночь устроила знатный тарарам в попытке выгнать из своих владений проворную тварь, пришлось Мелочи запретить там появляться без согласия кухарки. И она послушно не появлялась. Только огорченно вздыхала всякий раз, когда я проходил мимо заветных дверей.

– Ну, идем, – хмыкнул я и протянул Мелочи руку. После чего кукла быстрее молнии шмыгнула на плечо и негромко выдохнула:

– Хысь!

– Не «хысь», а «хозяин», – наставительно заметил Нортидж, когда я направился к выходу. – На худой конец «мастер Рэйш». Когда ты нормально разговаривать научишься?

Мелочь тут же насупилась. А когда призрак растаял в воздухе, приглушенно фыркнула, спрятала морду у меня на шее и принялась негромко бормотать:

– Хы-ы-сь... хысь... хы-хы-ысь...

Увы. Человеческая речь ей упорно не давалась, хотя я видел, с какой настойчивостью кукла прислушивалась к разговорам, шевелила губами и упорно пыталась повторять за нами слова. Но по непонятным причинам зубастый рот издавал в основном шипящие или рычащие звуки. И они, если честно, порядком раздражали. Особенно когда Мелочь начинала повторять их, как заведенная.

– Х-хысь... хысь-хысь... – продолжала давиться труднопроизносимым словом кукла.

– Артур, – наконец сжалился я, и Мелочь удивленно замерла. – Меня зовут Артур. Можно Арт.

– Аш-ш? – недоверчиво переспросила она. – Ар-р-рш-ш?

– Арт.

– Арс-с-с, – с явным трудом прошипела кукла. Затем подумала и, высунув раздвоенный язык, очень старательно повторила: – Артс-с!

Я кивнул:

– Можно и так.

Только тогда Мелочь облегченно вздохнула и наконец-то умолкла, а я зашел в услужливо открытые дворецким двери, увидел неловко мнущуюся у стола кухарку и понял, что точно сегодня обожрись. Потому что не попробовать все то, что она так старательно приготовила, было бы настоящим преступлением.

Глава 1

– Жди здесь, – велел я, остановившись следующим утром возле храма, и подставил ладонь, куда Мелочь с готовностью прыгнула. – Боги не любят, когда тревожат их покой, а ты все еще больше похожа на нежить, чем на нормального служителя. И проверять реакцию жрецов на твое появление я не собираюсь.

Кукла понятно шелкнула костяшками, а затем покосилась на стоящие поодаль дома.

– Можешь поохотиться, – разрешил я. – Только живых не трогай и магам на глаза не попадайся.

– Ысь! – вытянулась во фрунт Мелочь и внезапно растаяла прямо у меня на глазах.

Каким образом она это делала, я, хоть убейте, не понимал. Даже сейчас я по-прежнему ощущал прикосновение к ладони, знал, что кукла никуда оттуда не делась. Мог сколько угодно теревить поводок, который подтверждал, что Мелочь находится совсем рядом, но линзы упорно показывали, что моя рука пуста. Более того, при попытке коснуться мелкого чудовища пальцы упорно проходили его насквозь. Будто им мешало что-то. Отклоняло мою руку, как невидимый щит. И до тех пор, пока кукла была накрыта этим странным щитом, я не мог ее ни увидеть, ни прикоснуться, несмотря на все свои магические умения.

Но вот наконец Мелочь шевельнулась, и над ладонью, словно марево в пустыне, задрожало потревоженное пространство. Под ним проступил смутно угадывающийся силуэт. В следующее мгновение я ощутил слабый толчок, и рука действительно опустела. А вскоре перстень просигналил, что кукла находится далеко от меня. В одном из домов, что окружали главную площадь Алтира со всех сторон.

– Это хорошо, что помимо троп ты еще и невидимостью пользоваться умеешь, – пробормотал я. – Раз умеешь ты, значит, смогу и я. Осталось понять, как ты это делаешь.

Все еще размышляя на тему нового питомца, я так и вошел в храм – по темной стороне. И совсем не удивился, обнаружив неподалеку от статуи Фола загадочно улыбающегося настоятеля – отец Гон, похоже, всегда знал, кто и когда надумает навестить его обитель. Или же у него были очень хорошие осведомители.

– Ты прочитал книгу? – спросил он, как только я приблизился. Причем спросил так, словно мы расстались пару свечей назад и продолжали разговор, который не закончили в прошлый раз.

– Ну, для начала здравствуйте, святой отец, – усмехнулся я, протягивая ему увесистый томик. – Книгу, естественно, прочитал, иначе бы не явился. Но, как вы и обещали, у меня появились новые вопросы.

Жрец без всякого удивления кивнул и спрятал книгу за пазуху.

– Пойдем. Я готов уделить тебе время.

Очень хорошо. Правильно я явился сюда с рассветом. В это время прихожан в храме немного, да и темные жрецы предпочитают творить обряды не по утрам, как служители Рода, а ближе к ночи, когда Фол входит в полную силу.

– Садись, – сказал отец Гон, приведя меня в ту же келью, где мы беседовали больше двух недель назад. – Должен признать, я ждал тебя немного раньше.

Я пожал плечами. Раньше не получилось – появление Мелочи заставило меня изменить планы. Но как только с ней все утряслось, я вспомнил о жреце и зашел прояснить кое-какие детали.

– Спрашивай, – понимающе улыбнулся отец Гон, когда я уселся за каменный стол. – В ближайшие пару свечей нас никто не потревожит.

– Скажите, святой отец, в чем заключалась истинная причина низвержения темных богов в Лотэйн?

– Кхм, – удивленно кашлянул жрец. – Мне казалось, в книге есть ответ на этот вопрос.

– Там говорится, что это произошло по вине одного из жрецов, – терпеливо пояснил я. – Якобы он сделал что-то, что нарушило правила сосуществования между богами, в результате чего темные боги сперва утратили прежние позиции, а затем и вовсе были изгнаны.

– Я точно не знаю, кто это был...

– Меня интересует не это, святой отец. Мы оба с вами по-

нимаем, что уничтожить целый культ не так просто. Также мы знаем, что боги... и темные, и светлые... предпочитают действовать чужими руками. Поэтому то, что ваша книга называет «уничтожением темного пантеона», в действительности было войной, которая привела к истреблению сперва темных магов, затем темных жрецов и, наконец, обычных верующих, которых на протяжении нескольких лет резали по всему Лотэйну, как у нас когда-то некросов. Но в Алтории в те времена некросов насчитывалось относительно немного. И с ними было не так сложно справиться. Тогда как темный пантеон в Лотэйне занимал лидирующие позиции много веков. В те времена темные храмы и святилища имелись в каждой деревне. Верующих было море, а каста жрецов стояла лишь на одну ступеньку ниже королей. Одним щелчком пальцев от них было не избавиться – для этого требовались усилия сотен тысяч людей, причем правильно настроенных, вооруженных и свято верящих в свою правоту. Но если тех, кто верил в темных богов, было гораздо больше, чем почитателей Рода, то как могло получиться, что против темных богов восстали не только светлые жрецы, но и вся страна? И как вышло, что эту войну жрецы Фола все-таки проиграли?

У отца Гона изменилось лицо.

– Это сложный вопрос, Рэйш, – тихо сказал он, опустив глаза. – Потому что в действительности это была не одна война, а три. И первая случилась задолго до того, как в Алтории

услышали про наш пантеон.

– То есть автор книги соврал?

– Скорее, умолчал о некоторых деталях.

– Мне хотелось бы о них услышать, святой отец, – спокойно сказал я, изучая неподвижное лицо настоятеля. – Вы же не просто так дали мне эту книгу? Я ее прочел. И теперь хочу разобраться.

Отец Гон поднял взгляд и некоторое время пристально на меня смотрел, словно на моем лбу появилась еще одна метка, кроме той, что оставила леди Смерть. Но вскоре его лицо расслабилось, напряженные плечи опустились, а затем жрец задумчиво обронил:

– Ты удивил меня во второй раз, брат. Но, как я уже сказал, детали мне неизвестны. За полторы тысячи лет, прошедшие с момента первой войны между темными и светлыми жрецами, многое было утрачено. И теперь достоверно о тех временах могут поведать лишь боги.

– Мне можно покороче и попроще, святой отец, – холодно улыбнулся я. – Так сказать, основные вехи, начиная с перво-причины.

– Причиной первой войны стал действительно человек, – вздохнул служитель Фола. – В книге говорится, что это был один из жрецов, но, к сожалению, древний текст, дошедший до нас в единственном экземпляре, да еще дефекты перевода... знаешь, как оно бывает? Достаточно один раз написать слово неправильно, и дальше ошибка прокрадется во все ко-

пии, породив ложные домыслы и спрятав правду под толстым слоем очень правдоподобной лжи.

Я насторожился.

– То есть это был не жрец?

– Увы, – качнул головой святой отец. – Источником всех наших бед стал самый обычный маг.

– Темный? – еще более настороженно уточнил я.

– Боюсь, что так. Хотя в то время маги были другими. Тогда их никто не разделял на некросов и магов Смерти. Собственно, их и темными-то еще не называли – это случилось гораздо позже. А если бы и назвали, то вовсе не из-за приверженности к тем или иным богам – чаще всего эти люди даже не были верующими. Но при этом они служили. И думаю, ты уже догадываешься кому.

Я внутренне подобрался.

– Вы сейчас говорите о жнецах?

– Всего одна буква, Рэйш, – невесело усмехнулся отец Гон. – Жрец... жнец... невелика вроде бы разница, зато как сразу меняется смысл, правда? А если не знать, что в те времена темными магами не рождались, а становились исключительно с благословения Фола...

Я помрачнел.

– Хотите сказать, это была его ошибка? Или у кого-то из магов после посвящения снесло башню?

– Я не знаю, по каким критериям Фол отбирал себе жнецов, – покачал головой настоятель. – Говорят, боги редко

ошибаются, но порой и одной оплошности достаточно, чтобы обречь на гибель весь пантеон. Благодаря Фолу помеченные им маги стали невероятно могущественными. По силе они стояли даже выше жрецов. А когда у простого человека появляется возможность жить вечно, от соблазна трудно удержаться.

– Для того чтобы обрести бессмертие, надо навсегда остаться на темной стороне, – возразил я. – А на это не каждый согласится.

– Поверь, найдутся желающие. Тьма сильна, брат. Но человеческий разум устроен таким образом, что из всех бед и страстей он тяжелее всего справляется не с болью или страхом, а, как ни странно, с одиночеством. Сильный духом не нуждается в компании – он самодостаточен сам по себе. Однако для тех, кто хотя бы раз дал слабину, одиночество – смертельный яд. Оно отравляет сознание. Сперва медленно и почти незаметно. Затем все больше, вынуждая искать спасение от царящей вокруг мертвой тишины. Прислушиваться к голосам... а ты не хуже меня знаешь, как быстро может свести с ума шепот темной стороны. Знаешь, отчего Тьма так покровительствует безумцам. И можешь себе представить, что произойдет, если в ее недрах решит обосноваться... пусть всего один, но долгоживущий и очень могущественный маг.

Я поежился.

– Хотите сказать, полторы тысячи лет назад произошло

именно это? Кто-то из темных ушел во Тьму насовсем и с годами окончательно там сбрендил?

– Я могу лишь догадываться, Рэйш. Но Фол не опроверг мою догадку, когда я задал ему этот вопрос. И не пожелал ответить, по какой причине он не остановил то, что тогда произошло.

– Чего же тот маг хотел добиться? Он ведь чего-то хотел, когда уходил во Тьму, правда? – предположил я после недолгого молчания.

– Думаю, ты со мной согласишься, что темная сторона всем хороша, за исключением того, что в ней слегка... пустовато, – кашлянул святой отец. – И я предполагаю, что тот, кто решит уйти туда насовсем, рано или поздно захочет сделать это место чуточку более привычным для себя. Или, говоря другими словами, более живым.

И вот тогда я вздрогнул.

Фол! Но ведь темная сторона не терпит живых. В ней никто из простых смертных не сумеет остаться надолго. Она или вытолкнет чужака обратно, или, что более вероятно, сожрет! А оживить ее можно лишь одним способом – стереть границу между мирами. И если все было так, как я думаю, то получается, что тот маг полторы тысячи лет назад возжелал создать...

– Врата?!

– Ты уже видел, что это такое, – сумрачно кивнул жрец. – И можешь представить реакцию Ордена, когда в один

из дней границы реальности были нарушены. Когда это случилось, прорыв, если верить летописям, закрывали совместными усилиями. Светлые и темные, маги и жрецы... благодаря этому катастрофы удалось избежать, но позиции темных богов существенно пошатнулись. Среди верующих пошло волнение, а Фолу и вовсе пришлось отказаться от жнецов. Это были страшные времена, Рэйш, – тихо признался отец Гон. – Темные маги, пока закрывали один-единственный прорыв, в большинстве своем погибли, ибо только они были свободно вхожи на темную сторону. И они же приняли на себя основной удар. Вторым заслоном от Тьмы были мы, жрецы, став для братьев по духу источником силы. И лишь в последнюю очередь нам помогали светлые. Разумеется, после того, как ворота закрыли, волнения в Ордене продолжались еще долго. Но поскольку простых верующих это практически не коснулось и им никто не пояснял причин, по которым вдруг стали разбирать древние святилища, то темный пантеон все-таки устоял. И какое-то время в Лотэйне было тихо...

– Пока история не повторилась?

Святой отец снова вздохнул.

– С тех пор в мире больше не появлялись новые жнецы – Фол сдержал свое обещание. Магический дар у выживших жрецы надежно заблокировали. А тех, кто не пожелал подчиниться, попросту уничтожили. Фол после этого надолго отстранился от верующих. Его алтари замолчали. Темные рода оскудели и в конце концов угасли. За ними тщательно сле-

дили, а ритуалы в храмах проводились лишь в присутствии наблюдателей от Ордена. Но божественный след, оставленный в человеческом теле, рано или поздно все равно проявится. Поэтому через некоторое время у потомков тех жнецов, кто выжил во время ликвидации врат, стали рождаться одаренные дети. И они, как ты догадываешься, несли в себе то, чего у обычных магов раньше не было.

– Они сохранили способность переходить на темную сторону? – удивился я.

– Не так, как благословленные лично Фолом, но да. И Орден считал это умение полезным, ведь угроза темной стороны никуда не делась, а мы оказались не в состоянии сдерживать ее в одиночестве.

Я нахмурился.

– Значит ли это, что разделение на некросов и магов Смерти началось еще тогда?

– Скорее всего, – подтвердил отец Гон. – Только поначалу оно было не намеренным. Просто у кого-то из так называемых темных магов лучше получалось ходить в потустороннее, а кто-то предпочел работать с другими сторонами своего дара. К тому же с годами выяснилось, что вы обладаете талантами, которые были недоступны даже жнецам...

«Скорее, не нужны», – подумал я. Но вслух, разумеется, ничего не сказал.

– Именно их стало принято называть темным даром, – тем временем продолжил настоятель. – Все ваши знаки, за-

клинания, которые оказались действенными как для реального мира, так и для темной стороны... Орден посчитал, что угрозы в себе они не несут, поэтому вскоре в Лотэйне появились школы для темных магов. Вас продолжили обучать, но уже по другой методике. О жнецах больше никто не вспоминал. Ваш дар находился под контролем. Утерянное равновесие таким образом восстановилось, и оба божественных пантеона вновь стали сосуществовать на равных.

Я недоверчиво прищурился:

– Значит, изначально все темные маги были жнецами?

Настоятель кивнул:

– Да, брат.

– Но если их не стало, а Орден нашел менее опасную замену и в конце концов все стало хорошо, то почему случилась вторая война?

– Около трехсот с небольшим лет назад появились сведения, что темные жрецы начали возрождать запрещенные ритуалы. Это не было санкционировано Орденom, – быстро добавил отец Гон, когда я одарил его подозрительным взглядом. – Обряды проводились отдельными энтузиастами. Втайне. Над темными магами, число которых к тому времени существенно возросло. Но, поскольку многое за эти годы было утрачено, да и сама ваша магия изменилась, то старые ритуалы утратили смысл. И стали приводить не к укреплению связи человека с богом, а к бездумному и подчас опасному усилению темного дара.

– Что же тогда Фол не вмешался, если обряд так безбожно исковеркали?

– За отступниками вскоре началась охота, – спокойно добавил жрец. – Появления новых врат нельзя было допустить, как и того, чтобы по земле свободно разгуливали чудовищной силы маги, неподконтрольные никому и ничему. Если верить нашим записям, именно темная часть Ордена первой выступила против появления псевдо-жнецов, но в итоге из этого не вышло ничего хорошего. Война – это всегда война. И она страшна вдвойне, когда врагами становятся братья по вере.

Я задумчиво посмотрел на отца-настоятеля.

– Выходит, вы сами сократили число темных жрецов, магов и последователей своих богов?

– Это было неизбежно.

– А как же светлые?

– Поначалу играли роль сдерживающей силы. Пытались предупредить кровопролитие, и лишь благодаря им мы сумели сохранить некое подобие порядка. Но люди всегда остаются людьми, даже если находятся у власти. И когда появляется соблазн расправиться с давними недругами, немногие устоят перед искушением.

– Иными словами, светлые в какой-то момент решили вас добить?

У отца Гона закаменело лицо.

– Это черные страницы в истории нашего Ордена, Рэйш.

Но раскол произошел не только среди темных братьев. Многие светлые были против нашего уничтожения. Причем против настолько, что в Лотэйне едва не случился переворот, и в конфликт оказались втянуты не только жрецы, но и король, армия и, конечно же, верующие. А спустя пару десятилетий наш Орден превратился в дымящиеся руины, на которых вновь избранное руководство попыталось выстроить что-то толковое.

– Насколько я понял, у них все же получилось нечто приемлемое, только оно больше не предусматривало наличия темных храмов, – заметил я.

– Да. Они решили не рисковать, поэтому для второго пантеона в Лотэйне не осталось места, а мои братья и те светлые, кто их поддержал, решили заблаговременно покинуть страну. Мы бежали из Лотэйна вместе, Рэйш. Более того, многие наши реликвии уцелели лишь благодаря светлым собратьям. Они прикрывали нас собой. Прятали наших детей, жен и даже выкраденные из храмов осколки алтарей. Они спасли нам жизнь. Верой своей. Бесстрашием. Мужеством. И уже здесь, в Алтории, мы решили сохранить это единство. Именно поэтому все наши храмы до сих пор являются общими. Поэтому мы чтим любых богов и ценим их помощь. Мы по-прежнему едины, Рэйш. Как раньше. И именно это доказывает, что мы выбрали правильную дорогу.

Я немного помолчал, переваривая услышанное.

– Вы говорили, что войн было три, святой отец...

– Третьей войной я считаю охоту на некросов, начатую Эрнестом Кровавым чуть более ста лет назад, – согласился жрец. – Тогда темные маги были прорежены в последний раз, после чего ветка некросов и магов Смерти окончательно разделилась.

– Мой учитель говорил, что это было сделано умышленно.

– Он сказал тебе правду. Есть мнение, что Эрнест Второй не сам придумал устроить резню, а ему эту идею очень грамотно подсказали.

– Кто? Светлые?

– Этой информацией я не владею. Но Лотэйн, как ты знаешь, до сих пор поддерживает отношения с Алторией. И я не думаю, что в те времена здесь водилось меньше лотэйнийских шпионов, чем сейчас. А уж о предубеждении короля по поводу магии только глухой не слышал.

Я задумчиво стукнул пальцами по столу.

– То есть его величество напрасно обвиняли в скудоумии? И в Алтории едва не началась гражданская война лишь потому, что кто-то сыграл на его страхах? Скажем, сообщил, за какие грехи темные маги были изгнаны из Лотэйна. Намекнул, что эксперименты, которые в то время проводили некросы, могут привести к нехорошим последствиям. И все. У короля внезапно помутился рассудок. Он наплевал на все проекты, плоды которых принесли стране столько побед. Испугался, что темная часть Ордена лишит его короны. И в итоге посчитал, что болезнь легче предупредить, чем лечить.

А поскольку воевать против жрецов у него была кишка тонка, то весь его энтузиазм обрушился на магов. Естественно, на темных, из которых получилась отменная мишень. Нас в итоге стало еще меньше. А темное искусство превратилось в полезный для государства придаток, который подчас используется не по назначению.

Отец Гон наклонил голову.

– Не могу с тобой не согласиться. Последствия той резни Орден магов не может устранить до сих пор. Вас по-прежнему мало. И вы настолько разобщены, что в этом даже мне видится злой умысел.

– Вы тоже считаете, что разделение было не только умышленным, но и оправданным?

Под моим пристальным взглядом отец-настоятель улыбнулся.

– Если бы это было так, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

– Тогда почему я здесь? – напряженно спросил я. – И почему итогом моего посвящения стало то, что я, по вашим словам, превращаюсь в жнеца?

– Я не сказал, что ты жнец, – снова улыбнулся отец Гон. – Я сказал лишь, что ты похож на него. Но это совершенно не значит, что я должен тебя опасаться или бежать докладывать руководству, что наш мир вновь качается на грани катастрофы.

– Откуда вы знаете, что это не так? – снова нахмурил-

ся я. – Может, отец Лотий – тот самый отступник, который провел ритуал посвящения неправильно? А я, может, законченный безумец, от действий которого равновесие вскоре снова нарушится?

Жрец тихо рассмеялся.

– Отец Лотий – мой старый друг и коллега, которого я уважаю и очень ценю. Поверь, Рэйш, проведенный над тобой ритуал – это не столько посвящение, сколько молитва. Брат Лотий искренне помолился за твою жизнь перед алтарем, и Фол в кои-то веки откликнулся. Ну а то, что вы заключили с ним сделку, было не его инициативой, а, если согласишься, твоей.

Я озадаченно моргнул.

Тьма... а ведь верно!

– Так что не переживай, брат Лотий не нарушил никаких законов, – доверительно сообщил отец-настоятель. – А отчитываться за действия бога он не должен. Но в письме отец Лотий просил за тобой присмотреть. А еще он предположил, что ты можешь быть полезен храму. И, как видишь, оказался прав.

– Простите, святой отец. Я все равно не понимаю... мне что, не надо больше скрывать свои возможности? – недоверчиво переспросил я.

Жрец вздохнул.

– Надо, брат мой. Хотя бы потому, что несведущие маги и наши светлые коллеги вполне могут принять тебя за жнеца.

И тогда охота, о которой я говорил, возобновится. А я бы не хотел, чтобы ее целью стал ты. И тем более не хотел бы, чтобы кто-то начал возводить хулу на темное братство.

– Мне кажется, вы лукавите, святой отец, – немного помолчав, уронил я. – На вашем месте, узнав о моих способностях, я бы как минимум насторожился. А вы вместо этого даете информацию, как лучше использовать мой дар.

На губах отца Гона снова появилась улыбка.

– Когда ты научишься слышать божественный глас в мельком оброненной фразе, видеть его знамения в красоте заката и узнавать его волю в случайных на первый взгляд встречах... ты меня поймешь, Артур Рэйш. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Я покосился на жреца с сомнением.

Нет уж, спасибо. В храм я уходить не планирую. Как не собираюсь принимать сан, брить голову налысо или творить запрещенные ритуалы.

– Грань между одаренностью и безумием порой так же тонка, как и граница между мирами, – словно не заметил моей заминки отец Гон. – Но ты эту границу пока не переступил. К тому же не так давно ты избавил Алтир от беды. Сохранил, а не уничтожил пресловутое равновесие. А таких вещей боги не забывают.

– А вы не думали, что это самое равновесие могло быть нарушено кем-то вроде меня? – задал я мучивший меня на протяжении целой недели вопрос.

– Имеешь в виду, не объявлялся ли в Алтире настоящий темный жнец? Нет, Рэйш, исключено, – качнул головой настоятель. – О них больше тысячи лет никто не слышал. Старых жнецов кого уничтожили, кто сам отказался от дара. А чтобы создать нового, теперь уже недостаточно одного благословения. Для этого требуется проведение сложного и весьма трудоемкого ритуала. Но даже если кто-то из жрецов вдруг сошел с ума и рискнул его начать, то отголоски все равно докатились бы до главного храма. А таких на моей памяти не было.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно. И, предупреждая твой второй вопрос, сразу скажу – да, ты не единственный, кто за эти годы получил благословение Фола. Время от времени такие люди появляются в поле нашего зрения, и для мира это – большое благо. Одним из таких избранных был твой учитель – мастер Этор Рэйш. И его старинный друг и коллега – мастер Уоран Нииро. Но поскольку их обоих уже нет в живых, то я не удивился твоему появлению. И тем более не удивился, узнав, что последний потомок Рэйшей получил такое же благословение, какое сумел заслужить его знаменитый отец.

«Тьма над Тьмой дает свет, – машинально вспомнилась мне надпись на сундуке и такая же фраза в прощальном послании Нииро. – Значит, они оба были в курсе про жнецов. И имели причины умалчивать о своих способностях».

– Орден магов тоже об этом знает? – спросил я, напряжен-

но размышляя над услышанным.

Отец Гон усмехнулся.

– Мы не считаем нужным докладывать ему, кому благоволит наш бог. А темное благословение просто оставляет следы в ауре, поэтому жрецы Фола всегда знают, кому и когда оно досталось. Хотя лично я на твоём месте задался бы сейчас не этим вопросом.

– А каким? – насторожился я.

– Почему, если любой темный маг несет в себе потенциальную угрозу, жреческий Орден не предпринимает усилий для вашего уничтожения? Почему, если темные неизменно притягивают к себе нежить, вы по-прежнему остаетесь ценны, в том числе и для храма? И почему, с таким тщанием сохранив летописи давно минувших дней, мы, служители Фолы, не стремимся исправлять допущенную в исходном тексте ошибку?

Я замер.

А и правда?!

– Потому что мы лучше всех знаем, как опасна бывает оставленная без присмотра Тьма, – тихо сказал настоятель. – И знаем, что единственные люди, кто способен ее сдержать, это, как ни странно, вы, темные. Маги, способные преодолеть границу между мирами. Регулярно нарушающие ее, но при этом и оберегающие ее целостность. Вы одновременно и проклятие, и спасение для нашего мира. Самые опасные, но и самые нужные маги. Вы – стражи темной стороны.

И только от вас зависит, насколько близко Тьма сумеет к нам подобраться.

Я от таких откровений чуть не поперхнулся.

– Иногда я думаю, что Фол был не так уж не прав, когда отказался от жнецов, – едва слышно уронил отец Гон через пару мгновений. – Тогда они были сильны, но их было так мало, что каждая потеря больно ударяла по границе. Теперь же магов много... да, слабых, порой вообще никчемных, зато гораздо более многочисленных. Владеющих другими знаниями и умениями... Но при этом нужные вам знания постепенно множатся. Ваши силы почти без потерь передаются из поколения в поколение. Граница между мирами по-прежнему хранится в неприкосновенности, а Фол, как и раньше, не сдает своих позиций.

– Полагаете, он сделал это специально?

Настоятель пожал плечами.

– Кто знает, какими категориями мыслят боги? В свое время могущества жнецов испугался даже наш Орден. А страх – очень мощное оружие, особенно в умелых руках. Именно благодаря ему темный пантеон в Лотэйне в конечном итоге был уничтожен. Но тебе, брат, я могу сказать одно – кем бы ты ни был, Фол не зря привел тебя именно сюда и именно сейчас. И если считать, что твоей первоочередной задачей является охрана границ нашего мира...

Я напрягся.

– По-вашему, надо ожидать создания еще одних врат?

Отец Гон посмотрел на меня долгим внимательным взглядом.

– Как бы не чего похуже. И в подобной ситуации я... честное слово, Рэйш... приму помощь хоть от жнеца, хоть от чистокровного демона. И пойду на любые жертвы, если это поможет уберечь наш мир от разрушения.

Глава 2

Выйдя из храма, я первым же делом коснулся перстня, проверяя надетый на Мелочь поводок, но кукла была на месте. Сидела на окне второго этажа того самого дома, где я в последний раз ее почувствовал, и терпеливо ждала моего возвращения.

– Иди сюда, – велел я, добравшись до края площади, и Мелочь послушно спрыгнула вниз. При этом невидимость с себя она сняла, однако приземлилась не посреди мостовой, а в сторонке, в небольшой сугроб под окнами первого этажа. Уже оттуда вопросительно на меня посмотрела. И лишь когда я протянул руку, подтверждая, что она может приблизиться, кукла отряхнулась и запрыгнула на ладонь.

Откуда в ней взялась эта необъяснимая деликатность, я мог лишь догадываться. Но уже заметил, что Мелочь никогда не прикасалась ко мне без разрешения. Она не шлепалась с лихим писком на подушку, когда я ложился спать. Не тыкалась мордой в ладони, как встречающие у ворот собаки. Пробравшись в спальню или кабинет, она устраивалась где-то неподалеку, но всегда вела себя тихо и так, чтобы ее не было видно. И я не понимал, то ли дело заключалось во вбитом на уровне инстинктов почтении к хозяину, а то ли мое зубастое чудовище запомнило, как невежливо я обошелся при первой встрече с умруном, и теперь проявляло разум-

ную осторожность.

– Поводком пользоваться умеешь? – спросил я, держа на ладони свою растрепанную нечисть.

– Дсь! – решительно шикнула она и для верности щелкнула костяшками.

– Очень хорошо. Тогда идем прогуляться. Ты здесь, я – в реальном мире. Можешь охотиться, но так, чтобы тебя не опознали. Если заметишь что-то необычное, просигналишь. Справишься?

Мелочь довольно заурчала – проявленное доверие ей польстило. После чего она бодро застучала костяшками, разворачиваясь на ладони наподобие маленького скорпиона, и спрыгнула обратно в сугроб. А я проследил за тем, как она стремительно растворяется в воздухе, и только после этого вернулся в обычный мир, благо на улице в такую рань никого не было.

Да, оставлять куклу одну во Тьме было не совсем правильно, но, во-первых, она и раньше там прекрасно ориентировалась. Во-вторых, я отдал ей приказ и мог надеяться, что глупостей мое чудовище не натворит. Наконец, после разговора со жрецом следовало хорошенько подумать, а во Тьме отвлекаться на посторонние мысли было чревато. Поэтому домой я отправился пешком, как самый обычный человек, а по пути попытался разложить по полочкам все, что сегодня услышал.

Самыми важными мне показались сведения о том, что ма-

стер Этор и мастер Нииро именно от Фола получили способность видеть Тьму через Тьму и умение пользоваться кавернами, из чего следовало, что способности у нас троих одинаковые. Смущало другое – когда мы убивали Палача, Нииро воспользовался обычным бердышом, хотя, как я теперь понимаю, намного проще было создать темный огонь и спалить живучую тварь к Фоловой бабушке. Получается, Нииро не знал о такой возможности? Он же не мог сглупить, отказавшись от заведомо лучшего оружия ради того, чтобы я об этом не узнал?

Нет. Старик хоть и устал от жизни, но умирать до последнего не собирался.

А как же тогда мастер Этор? Кавернами-то он пользовался мастерски. С Тьмой работал напрямую, как я. Благословение от бога тоже получил. Но значило ли это, что он умышленно ограничил себя в использовании Тьмы? Или же, подобно Нииро, о своих истинных возможностях на темной стороне попросту не догадывался?

Вытащив из памяти дневник учителя и перелистав в уме его страницы, я не нашел там ни одного намека на то, что Этору Рэйшу было что-то известно, и снова задумался.

Хорошо, оставим это. Пока будем считать, что учитель если не знал, то о многом догадывался, но скрывал эти сведения даже от единственного ученика. Вопрос в другом, как говорит отец Гон – какое отношение эти сведения имеют к оставленному наставником списку? В книге упоминалось

несколько имен, которые показались мне смутно знакомыми. Вернее, это были имена трех родов, откуда в свое время Фол не единожды выбирал для себя жнецов: Дораши, Ахаро и Шарено.

В моем списке имелись похожие фамилии: Дайнеши, Айнеро, Карино. Получается, они лотэйнийские? Но что означают нарисованные напротив них топоры? И почему рядом с некоторыми поставлен вопросительный знак?

Наконец, самый главный вопрос – зачем мастеру Этору вообще понадобилось скрывать эти сведения? Ведь по большому счету все темные маги... и некросы, и маги Смерти, в том числе и предки Рэйшей... когда-то пришли в Алторию из Лотэйна. Кто-то раньше, кто-то позже, конечно. Но отец Гон открытым текстом сказал, что мы все – дальние потомки печально знаменитых лотэйнийских жнецов. Так зачем же учитель выделил именно эти десять фамилий? Почему так настойчиво указывал на свое родство с Уолшами и Уортэнами? И почему счел сохранение этой тайны настолько важной, что спрятал ее в глубине древней могилы, после чего забросил дела в столице и на долгие годы выпал из поля зрения Ордена магов и особенно Ордена жрецов?

– Непонятно, – пробормотал я, проходя мимо целой череды ярко освещенных лавок. Затем краем глаза поискал крадущуюся следом Мелочь. Нигде ее не нашел. А когда обратился к поводку, то с удивлением обнаружил, что кукла прилично отстала.

Обернувшись, я скорее почувствовал, чем увидел, что она остановилась возле одной из витрин и заворуженно таращится на выставленные там товары. Поводок не позволял в полной мере ощутить эмоции служителя, но отголоски неподдельного восторга до меня, хоть и не сразу, все-таки докатились. После этого я, естественно, вернулся полюбопытствовать. И, пройдя примерно половину улицы в обратном направлении, озадаченно крикнул, обнаружив, что мое маленькое чудовище в немом восхищении застыло возле лавки кукольника и жадно пожирает глазами выставленные на витрине игрушки.

При этом она не просто на них смотрела, а машинально поглаживала свои собственные «волосы», которые каждое утро и вечер старательно расчесывала. Время от времени верхняя пара ее лап неуверенно прикасалась к стеклу, словно желая дотянуться до игрушек. Магическая защита, конечно, заставляла в последний момент их отдергивать, но вскоре кукла словно забывала об этом и опять подступала к витрине вплотную.

Стоило признать, неизвестный мастер знал свое дело, потому что созданные им куклы и впрямь выглядели как живые. Фарфоровые лица были старательно раскрашены, тщательно завитые локоны волнами падали на хрупкие плечи, а пошитые со всем тщанием платья и костюмы в точности отражали последние тенденции столичной моды. Даже на темной стороне куклы, несмотря на состаренный вид, выгляде-

ли достойно и, скорее всего, пользовались большим спросом. Было бы это не так, хозяин не рискнул бы занять помещение в престижном квартале. И не тратился на магическую защиту, которая, впрочем, для Мелочи наверняка была на один зуб.

– Ничего отсюда не брать, – предупредил я, ненадолго вернувшись на темную сторону.

Мелочь вздрогнула от неожиданности и, раззявив широкую пасть, грозно зашипела. Но быстро меня узнала, захлопнула рот и, кинув полный разочарования взгляд на витрину, послушно от нее отошла.

Больше она не безобразничала, поэтому домой мы вернулись без приключений. Но поскольку теперь я постоянно отслеживал перемещения Мелочи, то вынужденно отвлекался, и ничего путного в мою голову больше не пришло. В том числе и в отношении списка. Единственное, о чем я подумал, это о том, что копии моих отчетов со старого места службы еще долго будут храниться в столичном архиве. А также то, что Корн их наверняка видел, когда знакомился с моим личным делом. С памятью, я полагаю, у него все в порядке. Так что, если в Алтире начнутся такие же странные кражи, как в Верле... боюсь, у него возникнут ненужные вопросы.

– Хозяин, вам депеша из Управления, – доложил Нортидж, стоило мне войти в дом и бросить на кушетку запылившийся плащ.

– Да? И кому же это не спится в такую рань?

– Господин Норриди желает видеть вас в своем участке.

– Когда принесли? – не особенно удивился я. После недели затишья было бы странно, если бы у Йена что-нибудь не случилось.

– Около четверти свечи назад, хозяин. Посыльный сказал, что вас ждут туда к девяти.

Я кивнул.

– Отлично. Тогда буди Марту, накрывай на стол... до девяти мы успеем еще разок перекусить. А сделать это определенно стоит, потому что до ночи я, скорее всего, не вернусь.

* * *

Когда мы с Мелочью появились в кабинете Йена, тот, как ни странно, оказался пуст, а на столе лежала небрежно начерканная записка.

– «Спускайся в общий зал», – озадаченно прочитал я, пока кукла рассматривала незнакомое для себя помещение с темной стороны. Проще говоря, совала нос во все углы, пробовала на прочность чужой стол, бегала по потолку, старательно изучала поставленную мною на прошлой неделе защиту и раз за разом убеждалась, что лично для меня... а значит, и для нее... она везде остается проницаемой. – Что еще за общий зал?

Вернувшись на темную сторону, я заглянул в одну из дыр в стене и, обнаружив, что на первом этаже той половины зда-

ния, что занимала городская стража, толчется подозрительно много народу, с опозданием сообразил:

— Ах, вот оно что... кажется, у нас собрание?

Оставив Мелочь осваиваться, я вышел в реальный мир, спустился на улицу, как самый обычный человек. Затем обогнул здание Управления и вошел в соседнюю дверь, возле которой, как и всегда, с унылым видом сидела неопрятная регистраторша.

При виде меня она махнула рукой, показывая, в какую именно дверь надо проследовать, будто без нее было сложно догадаться. Я так же молча прошел мимо и изрядно удивился, обнаружив, что в холле первого этажа, куда обычно патрульные притаскивали бандитов и проституток, находится толпа незнакомых людей, одетых в форму городской стражи. А в дальнем углу, под наполовину замурованной лестницей, ютилась команда Йена: два его штатных мага, два следователя и пугливо озирающийся Сенька, которому было ужасно неуютно находиться среди такого количества блюстителей порядка.

Самого Норриди я отыскал у другой стены, в компании здорового бугая в штатском, на воротнике которого красовалась бляха Управления городской стражи. Мужик, судя по росту и размаху плеч, родился в семье горных троллей. И, похоже, унаследовал не только их внешность, но и характер, потому что свирепо зыркал из-под мохнатых бровей и время от времени глухо порывивал. А поскольку в холле было

довольно душно, то он еще и частенько смахивал пот со лба и теребил окладистую бороду, которой, судя по ухоженному виду, очень гордился.

«Ну наконец-то!» – проступило в глазах Норриди, когда его рыскающий взор наткнулся на мою кислую физиономию. В тот же момент он толкнул локтем соседа, здоровяк обернулся, на мгновение мы скрестили с ним взгляды, и я как-то сразу понял, что передо мной находится господин Диран Жольд собственной персоной. Начальник Управления городской стражи западного участка и с некоторых пор мой почти что враг, который, судя по тому, как изменилось сейчас его лицо, до конца своих дней не забудет о подписанных мной счетах за ложные вызовы.

– Ти-и-хо! – рявкнул на весь зал «потомок троллей», и в помещении мгновенно воцарилась тишина. – Заткнитесь все и слушайте сюда! Сейчас коллеги из сыскного Управления сообщат важную информацию, по которой вы, голодранцы, будете передо мной отчитываться!

Я только хмыкнул, когда доблестная городская стража подтянула животы и попыталась изобразить на лицах служебное рвение. После этого вперед вышел Йен и, состроив совсем уж скорбную морду, не слишком охотно буркнул:

– Доброе утро. Возможно, до кого-то из вас уже дошли последние новости, но, поскольку начальство приказало ввести городскую стражу в курс дела, я вынужден отвлечь вас от исполнения ежедневных обязанностей, а кого-то, возмож-

но, даже от законного отдыха.

По залу прокатился неодобрительный гул.

– Собственно, перейду сразу к делу, – словно не услышал Йен, а гул под свирепым взглядом господина Жольда мгновенно стих. – Сегодня ночью из собственной спальни бесследно исчез младший племянник герцога Искадо. Его зовут Роберт Лернан Искадо. Мальчику всего десять. И он – светлый маг, причем довольно сильный. Его сиятельство очень обеспокоен судьбой своего близкого родственника, однако требований о выкупе пока не поступало. О личностях похитителей также ничего не известно, поскольку по непонятным причинам магическая защита в особняке, откуда исчез мальчик, была отключена. Версия с побегом уже проверяется – пока для ее подтверждения нет достаточного количества улик. По делу работает специальный отдел Управления дворцовой стражи совместно с главным сыскным Управлением Алтира, однако руководство посчитало необходимым поставить в известность и все сыскные Управления города, и городскую стражу.

– Мы-то тут при чем? – буркнул стоящий неподалеку мужик. – Пусть «спецы» этим занимаются.

– Вместе с магами, – поддержал его второй. Но тихо. Так, чтобы до Жольда не донеслось. – Это же их работа. Тем более сопляк из их числа.

– Если окажется, что мальчишку держали взаперти на нашем участке, а мы его упустили, мало никому не покажет-

ся, – возразил третий. – А если его найдут по частям в каком-нибудь подвале, то отымеют сразу всех. И «спецов», и сыскарей, и нас заодно.

Стражники уныло вздохнули – об этом они как раз догадывались. А потом кто-то из тех, кто стоял ближе к началству, рискнул задать вполне резонный вопрос:

– Если мальчик – маг, то почему его не смогли найти с помощью метки? У него же клеймо в ауре должно стоять.

– По непонятным причинам его метка неактивна, – еще более неохотно сообщил Йен.

– Тогда, наверное, племянник герцога уже мертв?

– Нет. Сигнала о гибели магов его профиля в ближайшие сутки в Орден не поступало. И метка мальчика не проходила ни через одни городские врата, поэтому есть основания полагать, что юный герцог не покидал пределы столицы, но при этом его магические способности сильно ограничены.

«То есть на него попросту нацепили глушилку. А то, что в Орден не прилетел вестник смерти, позволяет с уверенностью утверждать, что пацан еще жив», – заключил я и непроизвольно зевнул.

Стражники, между прочим, были правы насчет мальчишки. Такими вещами должны заниматься люди из специального отдела и, конечно же, сыскари из ГУССа. Их ведь для того и содержали за счет королевской казны. Само собой, исчезновение юного герцога вызовет огромный общественный резонанс. То есть его исчезновение будут обсуждать, смаковать

и, конечно же, со знанием дела комментировать все неудачи сыскарей. При этом немалая часть работы все равно ляжет на плечи простых стражников. На тот случай, если они... то есть мы... каким-нибудь чудом что-то узнаем, заметим или случайно сообразим. После чего люди Корна бодро примчатся на зов, в самый решающий момент все разрулят, всех побьют. А потом гордо доложат его величеству об очередной громкой победе. Так же, как недавно сделал мой бывший шеф, когда стало ясно, что умрун в столицу уже не вернется.

К тому, что там еще говорил с трибуны Йен, я больше не прислушивался. Стандартные вопросы, такие же стандартные ответы. Сколько раз я такие уже слышал – даже припомнить трудно. Конечно, от стражников звезд с неба никто не требовал. Но быть внимательными во время патрулирования и всматриваться в лица прохожих им теперь придется больше обычного.

– Арт, я смотрю, тебе неинтересно? – чуть не застал меня врасплох незаметно подобравшийся Норриди. – И судьба пропавшего мальчика тебя совсем не волнует?

Я, не сдержавшись, снова зевнул.

– Это не наше дело. Не наше от слова «совсем», и ты сам это прекрасно понимаешь. Но раз уж оно тебя так задело, то не волнуйся – я услышал. И если встречу где-нибудь юного герцога, то обязательно тебе сообщу.

– Ты даже не поинтересовался, как он выглядит, – сердито буркнул Йен и сунул мне под нос красиво выписанный порт-

рет, где был изображен кучерявый светловолосый и улыбочивый мальчишка лет десяти. – На, чудовище. Смотри.

Я послушно посмотрел. Запомнил. Убедился, что породистый сопляк и впрямь чем-то похож на первого советника и по совместительству ближайшего родственника его величества Ринорка Шестого. После чего вернул портрет Йену и спокойно осведомился:

– Это все? На сегодня дел больше не планируется?

– Щас, разбежался, – неприветливо отозвался тот. – Этой ночью произошло сразу три кражи с применением магических артефактов. Так что бери свою шляпу, садись в кэб и на скорое возвращение домой можешь не рассчитывать.

– Умеешь же ты обрадовать, – чуть не сплюнул я вслед уходящему шефу. А потом подметил мелькнувшую в толпе физиономию штатного мага из Управления городской стражи и понял: в новом деле есть какой-то подвох. Иначе Шоттик не выглядел бы до омерзения довольным, словно собственноручно ограбил все три дома и был уверен, что мы никогда об этом не догадаемся.

Глава 3

По дороге Йен упорно хмурился и наотрез отказывался со мной говорить. А все потому, что мы не сошлись во мнении, на какое из мест преступлений следует отправиться в первую очередь. Зануда Норриди всю жизнь считал, что расследовать дела надо строго по порядку. Начинать с того, которое мы получили первым, и лишь после окончания первичного осмотра приступать к следующему. Я же полагал, что более разумно использовать территориальный принцип: какое место преступления находилось ближе, с того и начинать. Если, конечно, дело не являлось срочным или сверхважным.

Но сегодня у Йена было особенно дурное настроение, поэтому кэб доставил нас Тьма знает куда. В смысле, аж на Сорок четвертую улицу, в дом под номером тринадцать, откуда, по словам патрульных, этой ночью исчез дорогой артефакт. Его исчезновение обнаружила хозяйка дома – одинокая пожилая леди, живущая в большом особняке вместе с парой проверенных слуг и целой сворой тьявкауших собачонок.

Когда кэб остановился перед некогда роскошным крыльцом, а Йен постучал в дверь, внутри раздался пронзительный лай. Потом слышались шаркающие шаги, на пороге возник немолодой усатый дворецкий, одетый в выдавшуюся ви-ды ливрею. Вокруг него вилась целая куча мелких, одина-

ковых черно-рыжих шавок, ошейники которых стоили раза в три дороже одежды слуги. После этого лай стал совсем оглушительным, и я был вынужден отступить в сторону, чтобы не оглохнуть.

Почти сразу после того, как Йен, перекрикивая собак, представился, из дома выбежала пожилая дама и, расквашившись, принялась подбирать с пола малогабаритных питомцев хозяйки. Ходки через три ей это наконец удалось, и после того, как псин заперли в одной из комнат, нам было позволено войти в дом.

Разумеется, первым в эту собачью обитель зашел Йен – как самый главный. За ним, морщась от запаха, просочились оба старательно глядящих под ноги следователя. Затем Тори, как галантный кавалер, попытался пропустить вперед Лизу, но я успел вовремя схватить ее за золотую косу и, оттянув назад красиво посаженную головку, строго спросил:

– Ку-уда?! Тори, ты собрался угробить свою очаровательную коллегу?

Лиза удивленно скосила на меня глаза:

– Почему это угробить?

– Это простая вежливость, мастер Рэйш, – сухим, насквозь официальным тоном сообщил паренек, с неодобрением глядя на зажатую в моем кулаке толстую косу. – По правилам этикета мужчина должен пропустить леди вперед. Хотя, возможно, вам это неизвестно. Как и то, что обращаться с леди так, как поступили сейчас вы, совершенно недопусти-

мо.

Я ухмыльнулся.

– Давай не будем выяснять границы моей невоспитанности. Боюсь, они находятся далеко за гранью твоего воображения. Мне просто интересно: а если бы мы оказались на темной стороне, ты бы тоже пропустил ее вперед?

Тори насупился.

– Темная сторона – это другое.

– Да ну? А если бы это был бандитский притон?

– Вы говорите глупости, – процедил мальчишка, сердито буравя меня глазами. – Какое отношение к обычной вежливости имеет притон или место, где вообще не существует никаких правил?

Я вместо ответа заглянул в дверной проем, стукнул кулаком по ветхой стене, а когда с потолка рухнул приличный кусок штукатурки, насмешливо покосился на мага.

– Теперь мои аргументы выглядят более убедительными?

– Ой, – пискнула Лиз, сообразив, что вполне могла остаться без прически. – Спасибо, мастер Рэйш. Я не заметила.

– Вежливость для темного мага – это прах, – отчеканил я, глядя на побледневшего парня. – Его собственный прах, на котором радостно станцуют привлеченные шумом гули. Ты меня понял?

Тори опустил глаза.

– Да, мастер Рэйш. Слабые не выбирают место в шеренге.

– Вот именно.

– Тогда, наверное, первым лучше было зайти вам? – тихонько предложила девушка, ничего не понявшая из нашего разговора. – Вы же у нас самый сильный. С вами нигде не страшно.

– Напротив. Если бы мы оказались на темной стороне, первым я пустил бы туда твоего друга.

– Почему?

Я нехорошо улыбнулся.

– Чтобы, пока его жрут притаившиеся за углом твари, можно было успеть среагировать.

Лиз хихикнула и воззрилась на меня с преувеличенным ужасом, полагая, что это была шутка. Однако Тори не сказал ни слова. И, развернувшись, так же молча вошел в пустой коридор.

В отличие от непосвященной подружки он должен был помнить, что лет сто назад существовало правило, на соблюдении которого настаивало руководство нашего Ордена. Сильных темных тогда было мало, каждого из них берегли как зеницу ока, поэтому в безвыходных ситуациях слабые маги зачастую жертвовали собой, учителя ставили перед собой учеников, а более опытные старались держаться в стороне от молодняка.

Сейчас, конечно, все изменилось, но правило до сих пор никто так и не отменил. И в случае, если боевая двойка оказывалась перед выбором – погибнуть вдвоем или дать шанс спастись хотя бы одному, маги чаще всего выбирали послед-

нее.

Подтолкнув хихикнувшую девицу в спину, я по привычке вошел в дом последним. А как только за нами закрылась дверь, на всякий случай проверил поводок, однако Мелочь была уже здесь – бесшумно кралась за нами по потолку. А значит, дополнительно контролировать ситуацию оказалось не нужно, что для меня, честно говоря, было внове.

Хозяйка дома выглядела под стать своему ветхому жилищу – древняя, сморщенная, не слишком опрятная, но по-своему милая старушенция, которая чем-то напомнила мне мадам Одди. Она тоже подслеповато щурилась, когда разглядывала незнакомцев. Носила дома такие же меховые тапочки и зябко куталась в шаль, будучи в полной уверенности, что по дому гуляют страшные сквозняки, от которых дырявый платок непременно ее избавит.

– Прошу прощения, что потревожила вас, господа следователи, но у меня пропала очень ценная вещь, – сказала леди Муэра, когда Йен представился во второй раз и представил всех остальных. – Она дорога мне как память о покойном муже, и я бы очень хотела, чтобы ее вернули. Прошу вас, присаживайтесь.

Скрипучий старушечий голос полностью оправдал мои ожидания. Как и сидящая на руках у хозяйки маленькая собачонка. Дряблые пальцы престарелой леди рассеянно перебирали густую белую шерсть, порой начинали теревить дорогой кожаный ошейник. А иногда задерживались на спе-

циально сшитом для шавки кафтанчике, который выглядел много лучше, чем та самая шаль, в которой хозяйка дома вышла нас встретить.

К нашему приходу леди Муэра явно готовилась, потому что, как только Норриди и маги присели на старые стулья, обитые потускневшей от времени тканью, старушка протянула портрет. Он тоже выглядел старым и выцветшим от времени, однако ничего лучше у нас пока не было.

– Видите эту брошь, господин Норриди? – проскрипела хозяйка дома, ткнув трясущимся пальцем в изображение на портрете. – Мой второй муж подарил ее на день нашей свадьбы, и с тех пор она всегда была со мной.

– Где она находилась вчера вечером? – осведомился Йен, передавая портрет следователям, чтобы те могли опознать пропажу.

Хозяйка дома торжественно возложила трясущуюся ладонь на левую сторону груди.

– Конечно же, на мне.

– Вы не сняли ее перед сном? – удивился Норриди, а портрет тем временем ушел гулять по рукам.

– Я же сказала: она всегда была при мне. Но этим утром брошь исчезла, поэтому я и вызвала вас.

Лиз с Тори скептически переглянулись, а портрет тем временем добрался до меня, и вот тут-то я, что называется, обалдел – на белом подвенечном платье весьма недурственной леди средних лет красовалась знаменитая «алто-

рийская лилия». Единственный в своем роде защитный артефакт, о котором я слышал еще в далеком детстве и который, по слухам, дарил своему владельцу почти абсолютную защиту от магии.

Артефакт был достаточно древним и имел весьма богатую историю. Этакая местная легенда о том, как один столичный ювелир создал удивительный по красоте искусственный цветок, а затем другой умелец влил туда нехилую порцию магии. Насколько я знал, много лет назад «лилию» выкупил у последнего хозяина какой-то баснословно богатый купец. Одно время это событие активно обсуждалось в светских кругах, и даже мои родители не остались в стороне от темы, но я тогда был слишком мал, чтобы уделить этой новости должное внимание. И все, что я помнил, это то, что в золотую оправу броши было вставлено несколько десятков разнокалиберных бриллиантов. А также то, что выкрасть такую вещь, опять же по слухам, считалось практически невозможным.

И тут такой сюрприз...

Я совершенно по-новому взглянул на пожилую леди, на глазах которой выступили слезы.

– Помогите мне, господа, – прошептала она, украдкой вытирая морщинистые щеки. – Кроме этой броши и памяти о муже, у меня ничего не осталось. Я готова уплатить любое вознаграждение за ее возвращение. Пожалуйста. Не считите за труд...

– Мы бы хотели осмотреть дом и переговорить со слугами, – скрепя сердце сказал Норриди, поднимаясь со стула. На его брюках при этом остались клочья собачьей шерсти, которую, видимо, позабыла смахнуть с сиденья пожилая служанка. А вот я мысленно похвалил себя за предусмотрительность, потому что единственный из всей команды не захотел соблюдать правила этикета.

Естественно, беседовать со слугами я не стал – этим могли заняться наши следователи: Брил и Торн. А вот по дому прогуляться не отказался и, как только леди Муэра дала добро, первым же делом двинулся исследовать хозяйскую спальню. Раз уж артефакт пропал именно там, то и следы следовало искать поблизости. А мне вдруг стало интересно взглянуть на знаменитую «алторийскую лилию» и заодно убедиться, что она действительно так хороша, как о ней говорили.

К сожалению, в спальне пожилой леди ничего интересного не оказалось, кроме потрясающе выполненного портрета, на котором была в полный рост изображена хозяйка дома в годы ее далекой юности. Портрет, стоило признать, был по-настоящему хорош. Молодая леди Муэра тоже. Однако никаких следов пребывания артефакта в помещении я не нашел и этим немало озадачился. До тех пор, пока не вспомнил еще один немаловажный факт и не спустился в гостиную уточнить у хозяйки, не подвела ли меня память.

– Все правильно, господин маг, – несказанно огорчила меня пожилая леди. – Моя «лилия» не определяется с по-

мощью магии. И именно об этом я сказала дежурному магу, когда этим утром он явился на вызов. Но он пообещал, что пришлет сюда лучших специалистов и что вы непременно поможете! Вы ведь поможете?

Ах, Шоттик... скользкий ты гад...

– Конечно, миледи, – подтвердил я, мысленно представив, как распну светлого на дыбе. – Но для этого мне нужно осмотреть вашу шаль.

– Пожалуйста, господин маг, – удивилась хозяйка и с явным трудом выпуталась из видавшего виды шедевра вязального мастерства. Я с величайшей осторожностью, чтобы не стрясти на себя пыль, его принял, после чего бережно разложил на диване и осмотрел, уделив особое внимание большому колтуну, который, вероятно, с годами вырос вокруг броши, а также приличной дыре в том месте, где, по видимому, когда-то крепилась «лилия».

Нитки в этом месте выглядели особенно ветхими. Слегка потяни, надави, и они сами расползутся под пальцами. А артефакты вроде «лилии» тем и примечательны, что их действительно очень сложно украсть. Зато можно подобрать с пола случайно обороненное сокровище и унести его отсюда в кармане.

– Слуги ни при чем, – отрапортовали следователи, как только я выдернул их из кухни и осведомился, нет ли среди домочадцев леди Муэры непорядочных людей. – На ночь в доме оставалась лишь одна служанка, но мы проверили ее

показания под амулетом правды – к броши она не прикасалась и понятия не имеет, куда та могла запропасться.

– Охранные амулеты на доме старые, но их никто не тревожил, – добавил Брил, когда я кинул задумчивый взгляд на зашторенное окно. – Хозяйка поклялась, что перед сном на улицу тоже не выходила. И всю ночь провела в постели, так что артефакт украли именно там. Лиза сейчас проверяет сад на предмет чужого присутствия. Но Тори сказал, что через первый этаж в дом никто проникнуть не мог.

«Значит, надо проверить второй», – решил я и, оставив парней, снова поднялся наверх.

– На крыше чисто, – доложил спустившийся сверху Йен, на шее которого покачивался покрытый пылью визуализатор. – Ни следов взлома, ни иных признаков присутствия человека. Там лет сто, наверное, никто не убирался, чердачное окно замуровано намертво, а следы на полу только мои... А-а-а! И то лишь потому, что мне каким-то чудом удалось открыть вросшую в пол дверь.

– Будь здоров, – рассеянно отозвался я, проходя мимо. – Допроси-ка еще разок служанку. Наверняка она бы услышала, если бы дверь открывали ночью. И еще узнай, не выходила ли хозяйка, скажем, на балкон? Старушка совсем древняя. Вдруг о чем-то да позабыла?

Норриди вместо ответа буркнул что-то неразборчивое, но ожидаемого «сам спроси» я все-таки не услышал. Кажется, начальство уже оттаяло, хотя, по обыкновению, пыталось

этого не показать. Зато, когда я еще раз осмотрел спальню и заглянул в спрятанную за неприметной дверкой уборную, на пороге нарисовалась присланная шефом та самая пожилая леди, что избавила нас от собак, и смущенно пробормотала:

– Простите, господин маг, но мы ею сейчас не пользуемся. Канализация забилась, а починить некому.

Я аккуратно прикрыл дверку, чтобы в спальню не просачивался характерный душок.

– Почему же некому? Разве в доме нет мужчин?

– Роберт ничего не смыслит в таких делах, – извиняюще пояснила женщина. – А на хорошего мастера у госпожи Муэры... простите... нет денег. Там же на магии что-то завязано. Управляющий артефакт почему-то забарахлил, вот и некому теперь разобраться. А услуги бытового мага стоят дорого.

– Неужели у леди настолько плохи дела?

– Покойный господин Муэр оставил ей немало долгов. Но леди отказалась продавать единственную в доме ценную вещь, поэтому вынуждена доживать свои дни вот так... но это, конечно же, никого не касается. Простите еще раз, господин. Это и не мое дело тоже. Я не должна была о этом говорить.

Я окинул внимательным взглядом опустившую голову служанку, но, прежде чем покинуть спальню, все же спросил:

– Вы все время находитесь рядом с леди Муэрой?

– Да, господин маг.

– И она действительно носила брошь не снимая?

– Даже спать с ней ложилась, – подтвердила служанка. – Бывает, накроется шалью, закутается в нее как в кокон и так засыпает, держа свое сокровище в руке.

– То есть украсть брошь, не разбудив хозяйку, было невозможно?

– Именно так, господин маг, – кивнула дама и бросила выразительный взгляд на аккуратно заправленную, но такую же старую, как остальной дом, постель, где как минимум пару дней назад стоило бы сменить простыни. – Но, если честно, я совсем не уверена, что брошь пропала именно этой ночью.

Я резко обернулся.

– Почему вы так решили?

– Потому что... – служанка понизила голос, – вы же видели эту ужасную шаль, господин маг. Хозяйка не разрешает к ней прикасаться, и там даже пауки однажды расплодились, да так, что я с трудом их потом оттуда вытряхнула.

– Ну и что?

– А то, что леди Муэра стара. И очень плохо видит. Она могла не понять, что под руками у нее не брошь, а тот кошмарный колтун. А раз так, то кто знает, где и когда она ее потеряла? Днем хозяйка кутается в шаль так, что нам не видно, носит она брошь или нет. А ночью никого к себе не впускает. Даже меня, хотя я не раз предлагала, ведь ходить даже до уборной ей с каждым годом становится все труднее.

– Что?! – ошеломленно повторил я, кинув шальной взгляд

на заветную дверку. — Тьма! Леди, когда, говорите, у вас забарахлил управляющий артефакт?!

— Неделью назад или чуть меньше.

— А за это время ваша хозяйка хотя бы раз покидала дом?

— Нет, конечно, — удивилась дама. — Она уже лет пять на улицу не выходит, с собаками гуляю я и наш верный Роберт. А гостей здесь почти не бывает. Хозяйка очень ценит уединение и не стремится поддерживать отношения даже с соседями.

Я с тоской посмотрел на проклятую дверь, но осенившая меня дурацкая идея была слишком похожа на правду.

Ну ведь в самом деле! Если никто не мог попасть в дом в принципе, а слуги не крали бесценную «лилию», то получается, что хозяйка сама ее потеряла! Причем, скорее всего, не вчера и даже не позавчера, потому что, как самая обычная старушка, была слепа, почти ничего не чувствовала кончиками пальцев и быстро забывала недавние события!

Исходя из всего того, что мы узнали, самым вероятным местом, где она могла бы обронить свое сокровище, была именно спальня, где леди Муэра проводила немало времени. А точнее не спальня, а эта самая уборная, куда старушка, вероятно, побрела посреди ночи, но зацепилась шалью и сама не заметила, как державшаяся на сопле брошка с тихим плеском булькнулась в...

В общем, вы поняли.

Конечно, «алторийская лилия» была настолько удачно

сделана, что определить ее с помощью магии представлялось абсолютно невозможным делом. Однако влиять на другие артефакты она наверняка могла! И в этой связи мне кажется, я правильно определил причину, по которой в канализационной трубе появился посторонний предмет, а надежный, десятилетиями служивший управляющий артефакт вдруг начал работать со сбоями.

Тьма! Я точно убью Шоттика по возвращении!

– Арт! Как у тебя дела? – неожиданно раздался из коридора обеспокоенный голос Йена, а следом послышались его тяжелые шаги. – Что-то ты долго возишься. Нашел что-нибудь?

– Конечно, – оскалился я. – Иди-ка сюда, дорогой друг. Сейчас я объясню тебе, как можно снискать славу героя...

Примерно через полторы свечи мы снова забрались в кэб и в гнетущем молчании потащились на следующее место преступления. При этом молодежь выглядела на редкость воодушевленной, взгляды, которыми они обменивались, были откровенно веселыми. Но если маги и следователи потешались над незадачливой старушкой, то Норриди вновь насупился и мрачно смотрел в окно, время от времени поднося к лицу надушенный платок и закрывая им свой многострадальный нос.

– Да что ты в самом деле? – с преувеличенной заботой заметил я, когда он в третий раз попытался перебить настойчиво преследующий его запах. – Всего-то делов, что помог-

ли несчастной бабушке отыскать ее потерю. И вообще, своими глазами увидеть знаменитую «алторийскую лилию» – это, знаешь ли, огромная удача.

Йен бросил на меня злобный взгляд.

– Тебе хорошо говорить! Не ты же доставал из канализации этот дурацкий артефакт!

– Ну, такое важное и ответственное дело, безусловно, должен был совершить самый мудрый и самоотверженный человек в коллективе. И никто из нас не собирается оспаривать тот факт, что ты, как руководитель, с честью выдержал это непростое испытание.

В салоне раздалось сдавленное хихиканье.

– Чтоб тебя демоны сожрали, Арт! – Норриди с досадой покосился на развеселившихся подчиненных. – В следующий раз в трубу полезешь ты! А я посмотрю, как ты будешь это делать! И каким оттуда вылезешь, особенно если тебе выпадет честь доставать из дерьма не поддающуюся магии побрякушку!

– Если нам придется еще раз вскрывать канализацию, я лучше Шоттика туда засуну, – ухмыльнулся я. – Головой вниз и желательно насовсем, а то после его визитов слишком часто стал портиться воздух.

Йен поджал губы.

– Если надумаешь нести Жольду новые счета, сперва покажи мне. Я все подпишу.

– Договорились. Только включи туда стоимость новой

одежды. Потому что эту... прости, но все-таки лучше поменьше.

Йен мрачно зыркнул из-под насупленных бровей, но злиться все-таки перестал. Точнее, он перестал злиться на меня, потому что переключил свое внимание на более достойный объект. Так что Шоттик напрасно решил нам отомстить за недавний разнос. Нечистых на руку людей Норриди не любил, пожалуй, даже больше, чем я. Жажда справедливости была у него в крови. А это значило, что штатному магу Управления городской стражи в скором времени грозили крупные неприятности. В которых я, как внештатный сотрудник Управления городского сыска, планировал принять самое деятельное участие.

Глава 4

С остальными двумя кражами мы провозились несколько дольше, но на небогатом западном участке, где обитали самые обычные горожане, взять было практически нечего. Аристократы здесь традиционно не селились, дорогих лавок никто не открывал, поэтому громких краж совершать было негде. И некому, если уж на то пошло. В итоге всего через сутки мы отдали коллегам из городской стражи незадачливого воришку с магической отмычкой, с помощью которой он вскрыл чей-то захламленный особняк. А еще через день представили пред грозные очи господина Жольда растрепанную девицу, в руки которой случайно попало наполовину разряженное «кольцо сна», благодаря чему она всего за одну ночь умудрилась обчистить карманы полутора десятков неосторожных мужчин, которые рассчитывали провести незабываемую ночь.

После этого в Управлении снова наступило затишье.

Я, пользуясь случаем, смотался в Верль, чтобы притащить из схрона еще один мешок с книгами. И не вылезал из кабинета до тех пор, пока в одном из томов не наткнулся на сделанную карандашом короткую пометку: «Важно!»

Книга была об истории темного искусства и представляла собой не что иное, как воспоминания одного из магов, жившего в Алтории чуть меньше трехсот лет назад, когда

темное искусство находилось на пике своего расцвета. Мага звали мастер Рейно Лерс, и был он, если верить предисловию, некросом. Причем неплохим и довольно известным, поскольку много лет изучал вопросы наследования темного дара.

Именно рядом с этим абзацем мастер Этор оставил первую пометку, поэтому дальше я принялся читать с удвоенным интересом. И вскоре выяснил, что уже в те времена наши коллеги проводили не то чтобы селекционную работу, но все же стремились к тому, чтобы одаренные дети рождались в более чистых в магическом плане семьях.

Оно в общем-то и понятно: чем больше у ребенка имелось одаренных предков и чем сильнее был дар у родителей, тем выше была вероятность, что малыш его унаследует. Однако Лерс обнаружил и другую закономерность, причем гораздо менее приятную для магического сообщества.

Он считал, что темный дар по определению нестабилен и имеет волнообразно протекающие периоды расцвета и последующего спада. Причем, по наблюдениям Лерса, это происходило ритмично. Когда через одно поколение, реже – через два или даже три. В переводе на нормальный язык это означало, что магический дар у темных магов зачастую передавался не напрямую – от отца к сыну, а переходил от деда к внуку или даже к правнуку. Причем, независимо от количества детей, только к одному наследнику.

Когда мастер Лерс отметил эту закономерность, он вывел

прямую зависимость между временем, в течение которого длился период спада, и одаренностью магов в каждом конкретном роду. Даже привел алгоритм, по которому эту кривую можно было рассчитать. А также выяснил, что в семьях, где спады происходили реже и длились дольше, в целом магический дар постепенно усиливался из поколения в поколение, а в тех, где спады оказывались короткими и частыми, наоборот – угасал.

Открытие для того времени было весьма спорным, поскольку в своих исследованиях Лерс опирался преимущественно на архивные записи и не смог привести коллегам убедительных доказательств. К тому же он уверял, что полноценный темный дар способен перейти только к одному-единственному наследнику, тогда как везде и всюду случалось, что дар наследовали по двое, трое и даже больше детей в семье.

Одним словом, в теории имелись белые пятна, которые на тот момент не было возможности заполнить. Из-за чего, как это часто бывает, гипотеза Лерса не была воспринята серьезно, а сам Лерс был осмеян и вынужденно ушел из Ордена. Однако не отказался от необычной идеи и посвятил ее изучению всю оставшуюся жизнь. Правда, до этого дня я нигде не встречал упоминаний о его работах и не слышал, чтобы маг с таким именем совершил какое-нибудь революционное открытие.

И вот здесь-то мне на помощь пришел мастер Этор, кото-

рый сделал на полях еще несколько важных пометок.

В частности, сослался на документально подтвержденный случай из истории провинциального рода Бейлис, который в свое время вызвал немалый общественный резонанс. История оказалась довольно проста, а род, о котором шла речь, был, разумеется, темным. Среди его отпрысков когда-то встречались и некросы, и полноценные маги Смерти, однако суть заключалась в другом. Около восьмидесяти лет назад последними представителями этого семейства оказались два брата. Причем оба были довольно слабыми магами, но один являлся слабеньким некросом, а второй умел ходить на темную сторону.

К тому времени маги Ордена уже научились определять и фиксировать величину магического дара, поэтому способности братьев были известны с рождения. Однако когда один из них погиб, то дар второго через некоторое время показал приличные показатели роста. И это привело в замешательство как самого мага, так и представителя Ордена, которого попросили провести контрольный замер.

Мастер Этор мне об этом рассказывал. Давно, еще на заре моего ученичества, но я тогда не придавал его словам большого значения. Однако сейчас, зная то, что открылось мне в последнее время, я был вынужден пересмотреть теорию Рейно Лерса.

Возможно, он был прав, когда утверждал, что полноценный темный дар способен воплотиться лишь в од-

ном-единственном наследнике. Когда их становилось больше, дар дробился и понемногу слабел. С каждым новым поколением. С каждым рожденным молодым магом. Однако все же не угасал, потому что с гибелью более старых представителей темного семейства молодые маги получали дополнительную порцию силы и все-таки могли продолжить род.

На этом месте учитель сделал еще одну пометку: «Разделение», а на следующей странице жирно подчеркнул на полях: «Женщины!»

Я, если честно, так и не понял, что он хотел этим сказать, но когда подобрался к последней главе, то наткнулся на весьма любопытный вывод, к которому автор книги пришел под конец своей долгой жизни.

Лерс почему-то считал, что женщины по определению не могли стать хорошими магами, поэтому категорически не одобрял приход в профессию леди. Возможно, в чем-то он и тут оказался прав, потому что по-настоящему сильных темных магичек наш мир действительно не видел. Да, встречались отдельные личности вроде той же Хокк или Триш, но их всегда были единицы. А во Тьму, кто бы что ни говорил, их толкала такая же жизненная необходимость, как и мужчин-магов, поэтому думаю, что не сильно ошибусь, если скажу, что дамы редко выбирали свой путь осознанно.

А вот абзац, где Лерс рассуждал о передаче магического дара детям, мастер Этор выделил отдельно. Там говорилось, что если ребенок родился в семье, где магом являлся отец,

то действие кривой, отражающей периоды спада и расцвета магического дара, проявлялось в полной мере. В семьях же, где магами являлись оба родителя, кривая резко уплощалась, а периоды спада... как и расцвета, впрочем... становились в полтора-два раза длиннее, из-за чего в таких семьях с определенной периодичностью могли родиться как великие темные маги, так и полные бездары. Наконец, в случае, если магом была мать, а отец являлся простым человеком, даже один-единственный ребенок был обречен на неполноценный дар.

Триста лет назад таких семей было немного, однако во многих Лерс подметил эту нехорошую тенденцию. Он, правда, связал ее с тем, что женщины-маги не предназначены для материнства, и именно поэтому их потомство оказывалось несостоятельным в магическом плане. Однако мастер Этор размашисто написал на полях слово «чушь!», и я был склонен с ним согласиться.

А вот дальше начиналось самое интересное, потому что чуть ниже учитель сделал еще две пометки: «перетягивания дара» и «блок», рядом с которым стоял жирный вопросительный знак. Здесь же, в тексте, мастер Рейно Лерс выдвинул предположение, что во время беременности одаренная мать, пользуясь магией, вполне могла оттягивать дар младенца на себя и именно этим ослаблять собственное дитя. Но если поставить между ними блок и лишить ее этой возможности...

От этой идеи у меня аж дух захватило – настолько она выглядела правдоподобной. Но, к сожалению, в конце следующего абзаца имелась очередная приписка, также сделанная рукой учителя, только совсем другими чернилами. И она печально гласила: «выкидыш», «Рита» и через знак равенства – «бесплодие», тем самым перечеркнув все предыдущие предположения и поставив жирный крест на возможности вмешательства в процессы наследования магического дара.

Закончив читать уже глубоко за полночь, я с некоторым опозданием задумался над тем, откуда мастер Этор мог с такой уверенностью говорить о негативных последствиях магического блока для матерей. А потом вспомнил, что у него когда-то была дочь... вспомнил Лойда и его слова о тяжелой болезни матери. Напрочь забыв о том, что уже темно, срочно вызвал в кабинет недоумевающего дворецкого. И, задав ему несколько простых вопросов, устало откинулся в кресле.

Рита...

Вот, значит, какие скелеты водились в вашем шкафу, учитель: Рита...

Боюсь даже представить охвативший вас ужас от известия, что ваша единственная дочь ожидает первенца от обычного смертного. Причем ожидает тайно и тайно же планирует позорное для столь именитого отца замужество. Зная ваш сложный характер, нетрудно предположить, чем закончился ваш разговор. Но страшнее всего, пожалуй, было бы узнать всю глубину вашего отчаяния, когда, оказав-

шись перед нелегким выбором и сделав его во имя продолжения рода, но вопреки воле единственной дочери, вы все же поняли, что совершили ошибку.

В тот день вы потеряли не только нерожденного внука, но и дочь, мастер Этор. А я, пожалуй, теперь знаю, почему вы так спешно оставили столицу. И почему, все-таки дав согласие на брак с неодаренным, но по-прежнему дорогим для дочери человеком, вы больше не стремились поддерживать с ними отношения. А вместо этого ушли из Ордена, бросили все свои научные изыскания, отказались от золота, славы, даруемых вашим статусом привилегий и из весьма известного мага превратились в обычного отшельника.

Нортидж также сказал, что барон Ирвин Лойд был гораздо старше своей одаренной супруги. И, наверное, если покопаться в архивах, где-нибудь наверняка найдется информация о его первой жене или о внебрачном сыне, которого утратившая способность к материнству Рита Рэйш с радостью приняла и воспитала вместо родного.

Это автоматически означало, что Освальд Лойд изначально не имел прав на доставшийся мне магический перстень. Однако родители, по-видимому, решили не рассказывать сыну о прошлом. Как не стали этого делать вы, мастер Этор, увидев в ауре неродного вам внука свежую метку убийцы. И как не сделал этого первый наставник Лойда, который вообще не вникал, да и не мог, пожалуй, вникнуть в тонкости ваших непростых отношений.

Да, судьба распорядилась так, что мальчишка, которого вы выгнали из дома, вырос, заматерел и через некоторое время снова явился вас навестить, мастер Этор. Но кто знает, чем бы закончилась эта встреча, если бы к тому времени вы, учитель, были бы живы, а вместо вас Освальда Лойда не встретил молодой темный маг по имени Артур Рэйш...

* * *

Засидевшись в кабинете почти до утра, но так больше ничего путного и не надумав, в конце концов я решил отправиться на боковую и с хрустом потянулся. На темной стороне усталость почти не чувствовалась, от долгого напряжения глаза не болели, голова по-прежнему соображала, а если и хотелось размяться, то лишь от того, что я все еще не привык подолгу проводить время за книгами.

Единственное, что мешало всерьез, – это то, что заботами учителя фамильный особняк Рэйшей выглядел во Тьме и в реальности практически одинаково, поэтому, чтобы понять, в каком мире нахожусь, мне порой требовалось приложить некоторое усилие.

Привычно покосившись в сторону окна, я с некоторым удивлением обнаружил, что куклы на привычном месте нет. И вышел в коридор, надеясь, что мое зубастое чудовище не наводит опять шорох на кухне и не гоняет горничных по дому. А когда услышал доносящиеся снизу раздраженные

голоса, тяжело вздохнул и направился к лестнице.

Каково же было мое удивление, когда, заглянув в столовую, я увидел не только Мелочь, но и остальных слуг в полном составе. При этом кукла выглядела растрепанной больше, чем обычно, и сидела в дальнем углу с видом окруженного, но не сломленного бойца. Тогда как призрак встали перед ней полукругом, требовательно уперев руки в бока, а Нортидж при этом еще и строго выговаривал:

– Это никуда не годится. Ну-ка, скажи еще раз: хо-зя-ин...

– Хыс-сь! – прошипела Мелочь и сердито клацнула зубами. Кидаться на домашних я ей запретил, поэтому единственное, что оставалось загнанной в угол кукле, – это огрызаться.

– Да не так, глупая твоя голова! Хо-зя-ин! Давай, повторяй, не то мастер Рэйш будет недоволен!

– Хы-хы-хысь!

– Кошмар, – сокрушенно покачал головой дворецкий. – Никаких сдвигов. Боюсь, друзья мои, она никогда не научится.

– Тс-с-с! – сердито шикнула на него кукла, а затем негодуя застрекотала лапами. – Гыс-с! Тс-с-са-а!

– О, смотрите-ка, новые звуки освоила, – обрадовалась одна из горничных.

– Ну да, – не слишком радостно согласилась вторая. – Только толку с этого никакого – она все равно слова не выговаривает. Наверное, язык слишком длинный.

– Или извилины короткие...

– Ы-ысь! – насупилась кукла, приоткрыв зубастую пасть. – Хсь ныс-с-ся!

– Ну давай, говори еще, – поторопила куклу первая горничная. – Ты ведь можешь, я знаю. А то куда это годится? Неужто тебе самой не стыдно, а?

– Хватит, – проворчала вторая. – Сколько уже можно уговаривать? Наверное, она и впрямь ничего не умеет.

– Усь! – возмущенно пискнула кукла и даже подпрыгнула над столом. – Кысь! Хось!

– Умеет, – удовлетворенно протянула кухарка. – Вишь, как задержалась. И все она прекрасно понимает... ну-ка, дай-те я попробую.

После чего потянулась к ближайшему шкафу, выудила оттуда начищенный до блеска серебряный поднос и, помахав им перед носом настороженно замершей куклы, пообещала:

– Если сможешь сказать слово «хозяин», дам посмотреть-ся.

– Уус-с-сь, – тихо, угрожающе прошипела кукла, однако на поднос уставилась с таким выражением, словно всерьез считала, что это – достойная награда за мучения.

– Сначала скажи.

– Хс-сь... хыс-с-а-а-ынс-с...

– Уже лучше, – довольно кивнула Марта, снова взмахнув подносом. – Но недостаточно хорошо. Еще раз!

Кукла раздраженно щелкнула костяшками и, наоборот,

замолчала. Призраки, зачем-то вознамерившиеся научить ее разговаривать, заволновались. Я тоже не сразу понял, что происходит, но потом все-таки додумался потревожить поводок и замер, обнаружив, что единственной переполняющей Мелочь эмоцией была не злость или раздражение, а тихая обреченная тоска, граничащая с почти человеческим отчаянием.

Невольно вспомнив, как Мелочь восхищалась красивыми куклами в той лавчонке, я так же неожиданно осознал, что мой новый дух-служитель, хоть и не был живым в полном смысле этого слова, тоже умел понимать и чувствовать. Испытывать боль, радость, разочарование, страх... и вот такую слабую, похожую на детскую и совершенно не заметную постороннему глазу тоску, которая вот-вот грозила перейти в безысходность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.